

*Б.М.Фирсов,
доктор философских наук,
Европейский университет в С.-Петербурге*

**Гибридность идеологии затянувшегося
перехода от "старой цельности"
к "небывшей жизни"¹**

Откликаясь на дискуссию по вопросам нашего симпозиума, скажу, что идеологическая колея "особости" исторического пути, в которую въехала советская "птица-тройка", к

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т.МакАртуров (грант № 04-81346-000 GSS).

моменту начала перестроечных процессов оказалась настолько глубокой, что из нее нельзя вытащить российский воз и по сей день. Многолетние исследования Аналитического Центра Юрия Левады свидетельствуют о том, что общественное мнение ревностно охраняет российскую самобытность. Без объективных на то причин оно продолжает считать, что имеет место опасное чужеродное нашествие. В итоге с новой силой заявляет о себе разделение на "своих" и "чужих", оказываясь гораздо старше по возрасту, древнее, чем дихотомия плохого и хорошего реального исторического опыта. Не отстает от народа и элита. Большинство современных публикаций о путях России заполнено жалобами на утраченное счастливое прошлое и осуждением "Запада" и "западников"¹. Был ли шанс избежать этого?

Наш соотечественник, социолог Н.Тимашев, разделивший эмигрантскую судьбу вместе с П.Сорокиным, одну из своих последних работ посвятил кризису советской идеологии в послесталинское время. Латентные подвиги индивидуального и группового сознания свидетельствовали о том, что у официальной идеологии в реалиях 1950-х годов обозначился серьезный неофициальный оппонент в лице так называемой *вольной идеологии*, контуры которой Н.Тимашев весьма четко прорисовал, используя ряд доступных ему в ту пору (1953—1958 гг.) источников. Элементы этой идеологии были вычленены из нападок на "внутренних врагов", содержащихся в материалах советской прессы и в выступлениях советского официоза. Второй источник — меры советского правительства, предпринятые в целях "умиротворения народного неудовольствия". Третий источник — "еретические" мысли, проскальзывавшие преимущественно в советской литературе. Ряд идей были извлечены "из серьезных обследований царящих в СССР настроений на основе показаний лиц, недавно оттуда выбравшихся"².

Н.Тимашев реконструировал угаданный им феномен, выделив пять основных элементов. *Первый* — широко развитое отвержение коллективизации сельского хозяйства и требование права частной собственности на землю. *Второй* — возврат к частному предпринимательству в розничной торговле и мелкой промышленности. *Третий* элемент вытекал из всеобщей ненависти к системе террора и связанным с ней отсутствием правовых гарантий для личности. *Четвертый* — требование ограждения человека, граждан страны от про-

¹ Пути России: Существующие ограничения и возможные варианты. М., 2004. С. 159.

² Тимашев Н.С. Две идеологии (Мысли о современном положении России) // Новый журнал. 1958. Кн. LIII. С. 209—220, 216.

извольных актов власти. Сюда же входило требование свободы научного, литературного, музыкального и художественного творчества. *Пятый* — религиозная терпимость.

Случись этим пунктам быть выставленными в качестве политической программы, они сводились бы к требованиям заменить чисто государственное хозяйство смешанным и даровать некоторые свободы. Это были прагматические, но одновременно и протолиберальные взгляды, но желать большего тогда было трудно, если принять во внимание атомизированность человеческой массы. Кроме того, в отличие от официальной, вольная идеология не располагала аппаратом для пропаганды, но она шла от жизни. Своим содержанием она обозначала конфликт общественных взглядов, который продолжится, пока будет доминировать государственная идеология.

Появление демократического движения в конце 1960-х годов, опиравшегося на программы "подлинного марксизма-ленинизма", "либерализма" и "христианской идеологии", было фактом исключительной важности¹. Триада этих программ (субидеологий) определила не только позиции различных групп диссидентов, но и во многом предвосхитила основные варианты исторического выбора, над которыми 20 лет назад, в начале перестройки, задумались и продолжают мучительно думать граждане России, пытаясь найти путь развития государства и общества.

Выбор этот не прост (здесь я намеренно буду говорить об общегражданских заботах и долге, оставив в стороне задачи власти). Можно бросить все духовные и физические силы на спасение "русскости" или "советскости" но тогда Россия, сохранив православную ли, социалистическую ли самобытность, растворится в историческом небытии. Можно предпочесть универсальный индивидуализм. В таком случае измененная, но сохраненная Россия обретет достойное для себя место в мире, встав на путь реального, а не иллюзорного развития².

Но для этого требуется изменить взгляд на идеологию. На место "русской идеологии", мистической сутью которой всегда была "русская идея", должна прийти просто идеология в общепринятом смысле. Выше я не случайно сделал ссылку на Н.Тимашева, который "прозаически" определил идеологию как систему "крепко сложившихся и широко распространенных взглядов на должное и желательное в общественной жизни". Демистификация идеологии избавляет

¹ Пути России: Существующие ограничения и возможные варианты. М., 2004. С. 270-271.

² *Пастухов В.Б.* Конец русской идеологии. Новый курс или новый путь? // ПОЛИС. 2001. № 1. С. 50-63.

ее от иррациональности, лишает ее отвлеченного характера и внушаемого самообмана, который веками держал под замком энергию русской души. К этому тезису нас возвращает Р. Гальцева¹. Она вступает в полемику с представителями новой субдисциплины, возникшей на месте западной советологии, которые пытаются объяснить себе и другим загадочность и непредсказуемость событий современной российской истории, как бы не желающей подчиняться общим закономерностям мирового исторического процесса. Неудивительно, что в таких случаях в поисках объяснения русского духа прибегают к З. Фрейду, изобретая русские факторы ("ненависть к себе"; государствовклонничество, олицетворяющее "инфантильность"; ребенок, "становящийся женщиной и самой пассивностью", и др.). Еще один прием — опора на богословие и гностицизм (истинное знание о боге и тайнах мироздания) и даже манихейство (учение о борьбе добра и зла, тьмы и света как изначальных и равноправных принципах бытия). В итоге возникают химерические образы нового Карфагена, страны, которая является врагом демократических порядков в мире, ищущей свой путь в опоре на ложь, жестокость и разные формы насилия.

Сторонники этих взглядов по инерции рассматривают исторический феномен идеологии как вечный спутник человеческого бытия подобно таким формам коллективного сознания, как мифология, вера, знания, либо отождествляют идеологию с одной из них, либо приравнивают ко всем понемногу. "Между тем тотальная идеология, о которой здесь как раз и идет речь, имеет дело не с верованиями как таковыми (вера может быть лишь преходящим элементом в ней), не с метафизическими или религиозно-онтологическими идеями-принципами, не с научными концептами, а с идеями-замыслами, идеями-целями; это — новейшая системная организация идейного материала вокруг намеченной цели, это — логика идеи, идеологика"².

Отсюда понятны причины, побудившие В. Пастухова поставить тяжелый диагноз современной идеологии общественных и государственных преобразований России, по-прежнему опирающейся на доктрины православия, коммунизма и либерализма. Идеологию нельзя придумать или угадать. Ее формирует не Кремль, а обстоятельства жизни государства, история. Поскольку Россия остается "ведомой" цивилизацией, постольку сравнение с Западом превращается в самостоятельный ракурс рассмотрения любой проблемы. На-

¹ Гальцева Р. Тяжба о России. На рубеже столетий // Новый мир. 2002. № 7 <http://magazines.rus.ru/novyi_mi/2002/7/gal.html>.

² Там же.

чинаются размышления о глубинной потребности следовать Западу. Противоречие неразрешимое — темпы роста зависят от типа нашей культуры, от русского культурного типа. Последний продолжает ориентироваться на надмирные цели, устремляясь в будущее, в потусторонний мир абсолютных ценностей, несовместимых с посюсторонней жизнью и ее требованиями. Соответственно, идеология Запада имеет практический характер, идеология России — символический. "Русская идеология статична, направлена на удержание и сохранение, а не на действие или созидание"¹.

Согласно Н.Бердяеву, переход от "старой цельности" к "небывшей жизни" лежит через "разложение и расщепление", ставшего органическим опытом разных эпох. Но все, что русские считают "национальными особенностями", как правило, присуще и другим народам, а все, что они хотят сделать "как все", выходит у них ни на что не похожим. К тому же думать и делать одновременно у нас не получается. По этой причине времена бесплотных исканий сменяются периодами бессмысленных преобразований².

"Возрождение великой державы" стало тем единственным символическим тезисом, на котором сходятся и либералы-западники, и коммунисты-патриоты, и поборники "святой православной Руси" — писал в своем экспертном докладе Л.Гудков³. Правда, компоненты того, в чем именно заключается смысл национального "величия" державы, могут у них сильно различаться, как и средства достижения заветной цели. Но общая программная композиция не меняется, демонстрируя известную устойчивость во времени. Прозападно настроенные рыночники в рынке видят условие будущего процветания и мощи нового демократического государства, мировой державы (столь же развитой в экономическом отношении, как и другие члены "большой семерки"). Коммунисты ностальгически вспоминают былую военную мощь, монолит государственного строя, общественную жизнь в СССР. Борцы за святую Русь уповают на соборность, духовность православной веры. Каждая из таких "идеологических программ" имеет своим стержнем идею "великой России". Но, употребляя слова "идеологические программы", Л.Гудков не имеет в виду выработку каких-то новых ориентиров и политических целей. Скорее речь идет об артикуляции аморфных массовых представлений и клише, несущих на себе следы сильного влияния нерационализиру-

¹ Пастухов В.Б. Указ. соч. С. 55.

² Там же. С. 49.

³ Гудков Л. Русский "неотрадиционализм" и сопротивление переменам // Отечественные записки. 2002. № 3 <http://magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_09.html>.

емых ценностей и излишне нагруженных моральными оценками, внушающими неверие в мысль.

Однако в самое последнее время дальнейшая поляризация трех "субидеологий" стала сопровождаться конфронтацией между ними. Начались "сшибки" ментальностей. Эмпирические исследования и СМИ свидетельствуют о том, что резко усилилось концептуальное неприятие капитализма, имеет место активная артикуляция национал-державных идей, пустил корни респектабельный шовинизм, на этот раз опирающийся на образование и высокоинтеллектуальную наблюдательность. "Цветочками" я бы назвал события, о которых 14 января 2004 г. писалось в газете "Известия" (Б.Немцов, Г.Явлинский, И.Хакамада дали повод заметить кому-то, что они не вполне русские лица; балерине А.Волочковой не понравилось имя-отчество директора Большого театра Иксанова — Тахир Гизальдиевич!). Ждать "ягодок" пришлось недолго. Ровно через год, в канун торжества, посвященного 60-летию освобождения концлагеря "Освенцима", в котором было уничтожено более 1 млн евреев, 20 депутатов Государственной Думы (фракции "Родина" и КПРФ) расписались в антисемитизме, поставив свои подписи под обращением к Генеральному прокурору РФ, настаивая на запрете "всех религиозных и национальных еврейских объединений как экстремистских". Скандал не погасили слова Президента России, который выразил чувство стыда за высокопоставленных антисемитов. Не успела краска этого стыда сойти с лиц официальных представителей государственной власти, как телевидение (НТВ) организовало передачу "К барьеру", превратившуюся "в бенефис прямого как штык антисемита генерала Макашова"¹.

Неудивительно, что русская идеология интенсивно продолжает порождать "мистические сущности" вроде "большой идеи России", которая, по мысли ее проектантов (самой идеи еще нет, есть только представление о том, какой она должна стать), положит начало чуть ли не новой формации, а то и цивилизации. Р.Гальцева мастерски представила "чаемую Россию", какой она видится сквозь призму "большой идеи"². Уготовано быть ей постиндустриальной и основанной на некоей самодеятельной морали, а также (полностью в духе М.Вебера) связанной с самодисциплиной, напряженным трудом и концентрацией сил. Еще одна опора — фундаменталистский потенциал православия, который теперь уже не кажется исчерпанным, а характеризуется как "праздничное мирозерцание", сумевшее до-

¹ Известия. 2005. 11 февр.

² Гальцева Р. Указ. соч. № 8 <http://magazines.rus.ru/novyj_mi/2002/8/gal.html>.

нести до нас "животворную энергетику языческого эроса". Да и роль православия теперь иная — служить не только благим антиподом всему остальному христианству, но также исходным образцом, эталоном для альтернативного западному русскому экономического порядка на основе варианта "монастырского социализма" с его отрицанием частной собственности и отказом от всякого имущества. Конкретные мишени "большой идеи России" — враждебный ее духу либерализм и Запад как прародитель либеральных идей.

Таким образом, вопрос о времени, когда русская идеология, русская культура и русская ментальность начнут ориентироваться на требования "посюсторонней" жизни, остается до известной степени открытым. *Либеральная идея помогла бы снизить, если не преодолеть, синдром исторической зависимости от опыта прошлого. Ей по силам единоборствовать с гибридностью ментальности, вступая в спор и тесня советскую идею и традиционную русофилию. Жаль, что за 20 лет перемен число ее активных сторонников заметно поредело, но выросло число защитников Святой Руси.*

Не так давно из жизни ушел Г. Дилигенский, который не раз выступал на симпозиумах о путях России. В одной из своих работ он прозорливо заметил: «В России есть некоторые устойчивые группы массового политического сознания... — сторонники реставраторских тенденций и сторонники принципов экономического и политического либерализма. Но и те, и другие занимают скорее маргинальное положение сейчас. Основную же массу российского населения характеризует "гибридное", "промежуточное сознание", соответствующее облику самого общества и его институтов. Именно поэтому ему подходит название "постсоветское": оно уже не вполне советское, но и не может в силу своей незавершенности быть определено каким-то содержательным понятием»¹.

Распутье, перед которым в нерешительности остановилась Россия, было предопределено предшествующим историческим опытом страны. История сослагательного наклонения не имеет.

¹ Цит. по: Горбачевские чтения. Становление демократии в современной России: От Горбачева до Путина. Перестройка 20 лет спустя: Взгляд молодых исследователей. М.: Горбачев-Фонд, 2004. С. 67-68.